

**На «пульсе войны»
(заметки о художественных особенностях военной
публицистики А.Н. Толстого)**

О.В. Стукалова

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Институт художественного образования» Российской Академии Образования
119121, Москва, ул. Погодинская, д. 8, корп.1

Federal State Research Institution of the Russian Academy of Education
«Institute of Art Education»

Pogodinskaya str. 8, building 1, Moscow 119121 Russia

e-mail: chif599@gmail.com

Ключевые слова: статьи о войне, художественные особенности, Алексей Толстой, историзм, оптимизм, стиль, яркие образы.

Key words: articles on the war, artistic features, Alexey Tolstoy, historicism, optimism, style, vivid images.

Резюме: Статья посвящена художественным особенностям военной публицистики Алексея Толстого. В военной публицистике Толстого особенно ярко проявился свойственный писателю историзм. Повышенная эмоциональность статей объясняется как задачей, которую ставил перед собой писатель - задачей воодушевления, призыва к сплочению людей; так и самой атмосферой того времени.

Abstract: The article is devoted to the artistic features of the articles on the war by Alexey Tolstoy. The Tolstoy's articles on the war it was particularly clearly manifested peculiar writer's historicism. Emotionalism of articles explains how the task that confronts a writer - inspiring task for the unity of the people, and the very atmosphere of the time.

[Stukalova O.V. On the "pulse of the war" (notes on the artistic features of articles on the war by A.N. Tolstoy)]

Все мы герои и все мы изменники.
Все, одинаково, верим словам.
Что ж, дорогие мои современники,
Весело вам?

Георгий Иванов

Слова прекрасного русского поэта Георгия Иванова, кажется, могут стать наиболее выразительным эпиграфом к статье о военной публицистике другого большого русского писателя Алексея Николаевича Толстого.

Эта тема, еще недавно казавшаяся бесспорной - замечательные статьи, гремевшие на весь Советский Союз, написанные великолепным русским языком, звавшие народ к сплочению против захватчиков... Что же здесь может вызвать сомнение?

Время расставляет несколько иные акценты.

То, что совсем недавно представлялось ясным и истинным, вдруг на поверку оказывается спорным и неоднозначным. Сама личность Алексея Толстого сейчас (после появления, так сказать, неканонических воспоминаний, рисующих образ писателя не только в идеализированном виде) получает иную трактовку, которая, в свою очередь, влияет и на восприятие написанного им¹.

Но, с нашей точки зрения, при оценке такого рода литературных произведений, к каким относятся публицистические статьи Алексея Толстого, написанные в годы Великой Отечественной войны², невозможно и несправедливо забывать о таких аспектах, как время написания статьи, требования той политической обстановки, восприятие читателей того времени.

Если включить в анализ публицистики эти аспекты, то картина получится гораздо более полной и многогранной.

Да, безусловно, в последнее время появляются новые и новые свидетельства, подтверждающие жестокость советского военного и политического руководства в годы войны по отношению к простым солдатам, свидетельства, проливающие свет на то, какой ценой досталась победа, рассказывающие о вопиющих фактах бесхозяйственности, воровства, халатности, ведущей к человеческим жертвам³.

Эти свидетельства заставляют нас совершенно по-иному взглянуть на события военного времени, по-иному оценить, конечно же, и многие факты того времени, и позиции людей.

Но со столь далекой дистанции вполне естественно увидеть больше правды, чем с позиции непосредственной близости, не позволяющей трезво проанализировать и оценить событие ("Лицом к лицу лица не увидать", как сказал поэт...).

Повышенная эмоциональность военной публицистики Алексея Толстого объясняется как задачей, которую ставил

перед собой писатель - задачей воодушевления, призыва к сплочению людей; так и самой атмосферой того времени - атмосферой, созданной крайними условиями войны, когда все остальное кажется мелким и незначительным.

Первая военная статья Толстого “Что мы защищаем” появилась в “Правде” 27 (!) июня 1941 г., т.е. буквально через пять дней после начала войны (в дальнейшем Толстой работал над военной публицистикой удивительно плодотворно. Так, например, в 1941 году его статьи появляются в газете “Красная звезда” 24 июля, 29 июля, 30 июля, 3 августа...)

По свидетельству А.Дымшица, Алексей Толстой предчувствовал неизбежность войны с гитлеровской Германией за несколько лет до ее начала: “- Война, - говорил Толстой, - неотвратима. Пока есть фашизм - мира не будет. - Надо знать Европу, - утверждал он. - Надо ее знать, чтобы понять размеры грозящей опасности, Если вы не видели фашиста, вы не сумеете его вообразить...Фашист - это преступник, выпущенный из тюрьмы и мечтающий стать тюремщиком мира...Алексей Николаевич с иронией отзывался о тех литераторах, которые - “сослепу, что ли” - не видят военной опасности. Он говорил, что фашизм не может не воевать, но кончит он на Западе виселицей, на Востоке - харакири. - Нам, - заметил Толстой, - предстоят трудные времена. Но народ у нас золотой. Он стоит за Россию”⁴.

Таким образом, начавшаяся война не стала неожиданностью для Алексея Толстого - он не был застигнут врасплох, и чеканные строки его первой военной статьи, открывающей своеобразный цикл, названный впоследствии “Грозная сила народа”, продуманны, они бьют наверняка, они воздействуют не только на эмоции (“Дальнейшее развитие их (наци) программы таит в себе такие горячечные цели, в которых признаться было бы невыгодно. Но поведение наци в оккупированных странах приоткрывает эту “тайну”, намеки слишком очевидны: рабство, голод и оджичание ждет всех, кто вовремя не скажет твердо: “Лучше смерть, чем победа наци”), но и на логику читателя - в статье приведены конкретные факты зверств нацизма в оккупированных странах. Толстой обращается не к какому-то безликому читателю - он,

рассказывая о подвигах трех танкистов (“Их танк ворвался далеко впереди во вражескую пехоту, был подбит и расстрелял все снаряды. Когда враги подползли к нему, чтобы живыми захватить танкистов, три парня вышли из танка, у каждого оставался последний патрон, подняли оружие к вискам - и не сдались в плен”⁵), об отце своего товарища по детским играм - богатыре Александре Сизове, о летчике-истребителе, о воспоминаниях своего детства, обращается к памяти, опыту, чувствам каждого конкретного человека, пробуждая в нем что-то личное по отношению к бескрайней земле, называемой Родиной.

Безусловно, установка Толстого (точнее, общая политическая установка того времени), выраженная им в афористичной форме: “Лучше смерть, чем победа наци”, не может, как нам кажется, быть однозначно принятой с гуманистической точки зрения...

Стоила ли блокада Ленинграда стольких жертв? Уничтоженного генофонда, миллионов умерших от голода людей, среди которых были выдающиеся ученые, музыканты, танцоры, художники, писатели, врачи, инженеры и т.д. - и будущие выдающиеся ученые, музыканты, танцоры, художники, писатели, врачи, инженеры и т.д.? Это риторический вопрос, к тому же, история не может быть изменена. Факт остается фактом.

Но, тем не менее, изучение истории позволяет нам лучше понимать настоящее и хотя бы пытаться не повторять ошибок в будущем.

Установка Толстого на победу любой ценой кажется не слишком гуманной, но...

Как мы уже указывали выше, если подключить к анализу факторы требований времени, влияния обстановки, задачи момента, если подключить все эти факторы, то ситуация покажется не столь одиозной.

Скорость продвижения фашистских войск, их мощь, их напор были столь велики, что, действительно, раздумывать в тот момент вряд ли приходилось. Врага надо было сдержать. И уже неважно, какой ценой.

Другое дело, почему сложилась такая обстановка, что

страна фактически была застигнута врасплох...

Но это уже не является прерогативой писателя, публициста, гражданина, искренно призывающего (и что важно, объясняющего, почему это так важно) к сплочению против единого врага, к стойкости, силе и самоотверженности.

И писатель был услышанным.

Он находил самый живой и горячий отклик у своих читателей.

Валентин Берестов вспоминает: “Враг давит нас своим железным брюхом... Кажется, этой фразы нет в Собрании сочинений Алексея Толстого. Она прозвучала только по радио в один из самых страшных дней 1941 года. Меня, тринадцатилетнего беженца из Калуги, она поразила жестокой правдой и брезгливой ненавистью к растленной силе, навалившейся на нас”⁶.

Алексею Толстому писали с фронтов бойцы, подтверждая правоту и силу слов писателя, силу, которая как бы передавалась и самим солдатам: “...Вы, Алексей Николаевич, тоже являетесь бойцом, и мы чувствуем, как будто вы находитесь с нами, совсем рядом, плечом касаясь каждого в строю У Вас иное оружие. Но оно также остро, как наши штыки, как клинки наших красных конников; его огонь такой же убедительный, как огонь наших автоматов и пушек. Мы вместе громим обнаглевших фашистов”⁷.

А. Дымшиц приводит в своих воспоминаниях о Толстом такой факт: “Помнится, в дни, когда враг угрожал нашей столице, поздней осенью 1941 года, в полку на Карельском перешейке агитатор читал бойцам перед строем статью Толстого “Кровь народа”. Люди стояли молча, охваченные глубоким душевным волнением. Волновался и агитатор, голос его то срывался, то возвышался до крика. Чувствовалось, что от слов Толстого, ясных и веских, каждому бойцу становилось легче на душе, ибо каждый из нас верил писателю, утверждавшему, что поход Гитлера “на Москву закончится великой всенародной победой”. А когда агитатор дочитал статью, я услышал, как пожилой солдат с характерным псковским выговором сказал другому, молоденькому и голубоглазому, что Москву, видно, и впрямь отстоят и что

“Толстой пишет крепко и доказательно”⁸.

Действительно, воздействие статей Толстого (особенно жестокая правда о зверствах фашистов, о количестве жертв не только военных, но и мирных жителей) на дух советской армии было столь значительным, что это почувствовали и в гитлеровской ставке.

Министр пропаганды Третьего рейха Геббельс выступил даже по радио со специальным опровержением статей Толстого.

Толстой в ответ написал статью “Лицо гитлеровской армии” (редактор “Красной звезды” Д.Ортенберг вспоминает об истории создания этой статьи: “Мне особенно запомнилась статья Толстого “Лицо гитлеровской армии”, опубликованная 31 августа сорок первого года. История ее такова. Дней за десять до этого в “Красной звезде” была напечатана статья Толстого о расстрелах красноармейцев, попавших к фашистам в плен, убийстве детей, женщин, стариков на оккупированной гитлеровцами советской земле... Тогда, в сорок первом году, вскоре после выступления писателя, мы получили перехват Берлинского радиоцентра. Геббельс пытался отрицать все, что было написано в статье Толстого, нагло обвиняя его в том, что он “Бессовестно лжет”, пишет “окровавленным пером”. Когда мы познакомили Толстого с этим “опровержением”, он сразу же сказал: - Я отвечу им... И попросил дать ему новые факты фашистских зверств, скупые и точные, как он потом их назвал, рассказы свидетелей. Для этого мы, понятно, не пожалели трудов. Корреспонденты газеты были посланы в госпитали, где встречались с ранеными воинами, вырвавшимися из фашистского плена, разыскивали партизан, недавно прибывших из вражеского тыла, дневники и письма домой самих гитлеровцев, фотографии...”⁹), где привел новые факты злодеяний фашистов, показания очевидцев и даже их адреса для возможности опроса международной комиссией. Эта статья была напечатана одновременно во всех центральных советских газетах - “Правде”, “Известиях”, “Красной звезде” (31 августа 1941 г.). Случай, конечно, весьма редкий в газетной практике.

Материал, который использовал Алексей Толстой в своих военных статьях, самый разнообразный. Это и личные наблюдения, впечатления различных встреч и бесед сводки

Совинформбюро, военные корреспонденции, печатавшиеся в газете “Красная звезда” и много другое.

Так, например, очерк “Таран” написан после посещения одного из полков истребительной авиации (Д. Ортенберг рассказывает об этом в своих воспоминаниях: “Беседа Толстого с героем будущего очерка Виктором Киселевым продолжалась более часа...15 августа “Красная звезда” напечатала обширную информацию Медведовского о пребывании Толстого у летчиков, а над ней на три колонки снимок...А на следующий день в газете появился очерк Толстого “Таран”¹⁰).

Интересно, что писатель ввел в свой очерк не только рассказ Киселева, но и отрывки из разговоров с другими летчиками (в частности, рассказ лейтенанта Катрича) - это придало особую значимость факту, углубив его, представив как нечто, ставшее нормой для летчиков.

Нормой... но при этом Толстой подчеркивает героизм воинов, он, мы бы даже сказали поэтизирует их подвиг: “Воздух принадлежит лишь смелым, сильным, талантливым, инициативным советским крылатым людям”¹¹.

Материалом для очерка “Смелычаки” послужило сообщение из действующей армии одного из корреспондентов; статья “Коричневый дурман” написана после одной из поездок Толстого как члена Чрезвычайной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков; знаменитая статья “Бессмертие” стала откликом на сообщение с Западного фронта (Гомельского направления) о подвиге летчиков, повторивших подвиг капитана Гастелло (приводим воспоминания Д.Ортенберга об истории создания этой статьи: “5 сентября сорок первого года редакция получила краткое сообщение своего корреспондента по Западному фронту, которое было опубликовано под “шапкой” на всю страницу: “Родина никогда не забудет бессмертного подвига летчиков сковородина, Ветлужских и Черкашина”...На второй день газета выступила с передовой статьей на эту же тему, а под передовой были заверстаны стихи Михаила Голодного “Богатыри”. И все же мы чувствовали, что нужные еще какие-то особенно сильные слова о героях, и мы обратились к Толстому”¹²).

Статья Толстого совсем небольшая по объему, она

содержит те же факты, что и сообщение, и передовица “Красной звезды”, но в толстовской статье есть нечто большее, придающее этим же фактам особую выразительность, значительность.

Статья написана страстно и одновременно искренне и просто: “Помянем с любовью и гордостью три сердца, переставшие биться...”; “Бомбардировавший Сковородина атаковал фашистскую колонну и устлал дорогу в поле трупами солдат и разбитыми повозками”¹³.

Кроме того, Толстой сумел обобщить факт, возведя случай до символа бессмертия и непобедимости всего народа. Как видим, писатель всегда во всех военных статьях подчеркивал две важнейшие для него мысли: “Мы победим, потому что мы непобедимы” и “Мы непобедимы, потому что мы сплочены, стойки, самоотверженны и готовы на любые жертвы ради победы”.

Эта уверенность Толстого в победе была нерушима в самые трудные дни войны.

Так, в августе 1941 года он утверждал: “Стальная петля уже накинута на шею фашистской Гремании, и если Гитлер, а с ним и другие его подвижники, способен хоть на мгновение поверить в логику, мы посоветуем ему...выпить последний глоток нацистского пива и повеситься, не дожидаясь, когда его, вместе с его подвижниками, повесят другие, как уголовных преступников и массовых убийц, крайне опасных для всечеловеческого общества”¹⁴.

Оптимизмом полны заключительные строки таких статей, как “Москве угрожает враг”, новогодняя “Тысяча девятьсот сорок второй”, “Вера в победу”, “Разгневанная Россия” (интересно, что две последние были написаны во время боев под Сталинградом”).

Свой оптимизм писатель основывает не на одном свойственном ему оптимистическом мироощущении. Он постоянно подчеркивает, что черпает свою веру в неизбежную победу советского народа в его истории, в самом характере народа, в его мужестве и свободолюбии.

Эти мысли Толстой развивает почти во всех статьях военного времени: “Не раз сгорая дотла и восставая из пепла,

Москва...не утратила своего значения, она продолжала быть сердцем русской национальности, сокровищницей русского языка и искусства, источником просвещения и свободомыслия даже в самые мрачные времена”¹⁵ (“Родина”); “Гордость русского человека - без шума и лишних слов... Гордость русского человека - скромная. Он бестолку вперед не полезет; он знает, что черед все равно до него дойдет, - и тогда, засучив рукава, гвоздь вобьет крепко”¹⁶ (“Народ и армия”); “Чиста и сурова душа воина Красной Армии. Он много видит, много чувствует и много думает...От этой выросшей нравственной силы советский воин делает такие отважные дела, что рассказы о них летят по эфирным волнам и телеграфным проводам по всему миру; за границей, разворачивая газету, люди приободряются: здорово русские бьют немцев, удивительный народ эти русские, загадочный народ”¹⁷ (Самоотверженность”); “Мы, русские, часто были благодущны и беспечны. Много у нас в запасе сил, и таланта, и земли, и нетронутых богатств...Казалось, так и положено, чтобы русское солнце ясно светило над русской землей”¹⁸ (“Москве угрожает враг”).

Примеры можно продолжать и продолжать.

В военной публицистике Толстого также особенно ярко проявился свойственный писателю историзм. Только в данном случае он имеет несколько иной характер.

Для произведений 30-х годов характерным было противопоставление старой и новой России. В статьях военного времени писатель обращается к истории, когда приводит примеры стойкости, мужества, смелости и отваги русского народа. Он с гордостью напоминает о прошлых победах, о военных традициях (“Воины Красной Армии хранят и совершенствуют русские боевые традиции бесстрашия, азарта, злобы в бою и самоотверженной товарищеской помощи”¹⁹ (“Трозная сила народа”), о великих полководцах и героях российского прошлого.

Интересно, что имена Александра Невского, Минина и Пожарского, Дмитрия Донского, Суворова, Кутузова и других полководцев и героев появились в статьях Толстого почти за год до учреждения в СССР военных орденов их имени.

Толстой проводит исторические параллели, начиная с

самой первой военной статьи: “Немецкие армии, гонимые в бой каленым железом террора и безумия, встретились с могучей силой умного, храброго, свободолюбивого народа, который много раз за свою тысячелетнюю историю мечом и штыком изгонял с просторов родной земли наезжавших на нее хазар, половцев и печенегов, татарские орды и тевтонских рыцарей, поляков, шведов, французов Наполеона и немцев Вильгельма...” 20 (“Что мы защищаем”).

Он продолжает эту тему и далее: “Тысячелетняя история наша - это тысяча лет тяжелой борьбы за отеческую землю. Ни один другой народ не вынес бы того, что вынес наш народ... Не преувеличивая и не бахвалясь, можно сказать: в русском народе от столетия в столетие крепнет дивная сила исторического сопротивления”²¹ (“Несокрушимая крепость”).

Заметим, что Толстой не просто “kozyряет” русской историей, оперируя только общеизвестными фактами и обобщениями. Нет, он описывает конкретные исторические случаи (в той же статье “Несокрушимая крепость” он приводит малоизвестные факты из истории Москвы: пожар Москвы 1571 года, нападение на Москву крымского хана Девлет Гирея и т.д.;

в статье “Вера в победу” Толстой рассказывает о войне Петра Первого со шведами: “Петр Великий, втянутый в войну со шведами, в 1700 году был разгромлен ими под Нарвой. “Войне не конец, войне только начало,”- сказал он своим приближенным, которые повесили головы... Петр...разбил шведов на Неве, где основал Петербург, отвоевал Нарву, разгромил шведского главнокомандующего Левенгаупта при Лесной, а через год - самого, дотоле непобедимого Карла XII - под Полтавой”²²).

Такая информационная конкретика, на наш взгляд, только прибавляла вес статьям Толстого - ведь правильных и красивых слов в газетах обычно предостаточно. Но когда эти слова подкреплены столь яркими и выразительными фактами, они становятся только ценнее, понятнее, доходчивее, а значит, и действеннее.

Историзм Толстого проявляется не только в постоянном обращении к историческим фактам, подтверждающим его несокрушимую веру в победу и мужество народа.

Он также постоянно цитирует русских классиков (от Лермонтова: “Красный воин должен одержать победу. Страшнее смерти позор и неволя... Ни шагу назад! Умремте ж под Москвой,/ Как наши братья умирали...”²³ (“Москве угрожает враг”) вплоть до Третьяковского: “А нацист, смертельный враг наш, был когда-то, и не так давно, “чудищем обло, стозевно и лайй”, нынче - попорченный гитлеровский автомат...”²⁴ (“Красная армия наступает”).

Он упоминает имена, составляющие гордость России, упоминает их в связи с угрожающей русской (и не только) культуре опасностью: “Немцы сознательно разрушили старинные кварталы и архитектурные ансамбли английских городов; они сознательно превращали в щебень дивные памятники Ленинграда и Варшавы; уходя из Святых гор, они осквернили могилу Пушкина; они взорвали редчайший памятник русского зодчества XII века - Святую Софию в Новгороде; они разрушили Петергофские фонтаны...всюду, где прошли немцы, уничтожены культурные ценности, взорваны университеты, вырублены прекрасные парки”²⁵. (“Фашисты в Ясной поляне”).

Обращение писателя к далекому прошлому сказалось также и на самом стиле его военной публицистики.

Так, в статьях постоянно звучат фольклорные мотивы, он использует образы русской мифологии (чаще всего он упоминает богатырей).

В статье “Родина”, вызывая ассоциации битвы с фашизмом не на жизнь, а на смерть, Толстой рисует былинный образ Ивана, схватившегося с чудом-юдом двенадцатиговым на Калиновом мосту: ...и сбил Иван чуду-юду все двенадцать голов и покидал их под мост”. Наша земля немало поглотила полчищ наезжавших на нее насильников... Наша Родина ширилась и крепла, и никакая вражья сила не могла пошатнуть ее Так же без следа поглотит она и эти орды”²⁶.

Стиль Толстого обогатился новыми яркими образами, связанными с народнопоэтическим творчеством. Так, например, он возвратил к жизни казавшиеся уже архаичными слова.

Снова зазвучало слово “сдюжим”, например.

Сам русский язык, по мнению Толстого, величайшее

достояние народа, и это достояние не должно быть уничтожено. Русский язык, русской искусство сплачивает народ, помогает ему выстоять в этой страшной войне: “Недаром пращур плел волшебную сеть русского языка, недаром его поколения слагали песни и плясали под солнцем на весенних буграх, недаром московские люди сиживали при восковой свече над книгами...и размышляли о правде человеческой...- все, все, вся широкая, творческая, страстная, взыскующая душа русского нрода нашла отражение в нашем искусстве...”²⁷ (“Родина”).

Продолжать анализ стилистики военных статей Толстого можно очень долго - они, действительно, являются примерами великолепного звучного, выразительнейшего русского языка.

Кстати, сам Толстой был очень, по слову Пушкина “взыскательным” художником. Он внимательнейшим образом относился ко всем мелочам своих статей.

Так, например, Д. Ортенберг вспоминает, как Толстой отбирал заголовки для статей: “Сдаться в плен фашистам означает...предать наш народ, предать Родину...Откликнулся на эту тему и Толстой статьей “Русские воины”...писатель нашел новую грань для темы и осветил ее с первых же строк...Заголовок статьи показался нам каким-то слишком спокойным, нейтральным. Но менять не стали. А днем явился в редакцию Толстой, увидел газету со своей статьей и сам сказал: “Надо было бы другой заголовок. Есть у меня. Только поздно... - И назвал его “Стыд хуже смерти”...он все же сменил его, только позже. Летом 1942 года, когда положение на фронте снова стало крайне тяжелым, критическим и тема стойкости вновь стала одной из главных, статья Толстого была выпущена отдельным изданием, и над ней стоял уже заголовок “Стыд хуже смерти”. Таким он вошел и в собрания сочинений писателя”²⁸.

Нам представляется важным еще один аспект военной публицистики Толстого - мы имеем в виду призывы писателя “убивать”, призывы к ненависти, содержащиеся прямо в заголовках статей (“Я призываю к ненависти”; “Убей зверя”).

Почти во всех военных статьях Толстого мы находим эти, кажущиеся, нам сейчас какими-то особо жестокими призывы убивать, уничтожать, усеивать трупами дороги (“Жизнь за жизнь! Нет - за три жизни - сотни жизней...”²⁹ “Бессмертие”; “И

клятва наша: “За гибель - гибель!”³⁰ (Кровь народа”).

Эти страшные слова, зовущие уничтожить без сожаления, убивать без сомнения - эти страшные слова принадлежат, заметим, человеку мирнейшей профессии - писателю. Писателю, который сам не убивает, не расстреливает, не вешает...

Как же воспринять этот факт?

Скажем честно, что ответить на него как-то однозначно, как нам кажется, просто невозможно.

Да, есть особая логика военного времени, но все же что-то мешает, не дает согласиться с ней, принять ее, оправдать.

Как говорила героиня Людмилы Гурченко в прекрасном фильме о войне (хотя события в нем происходят гораздо позже военного времени): “Лишь бы не было войны, лишь бы не было войны...”

В заключение, нам хотелось бы сказать, что военная публицистика Алексея Толстого, несмотря на большое количество спорных, с точки зрения сегодняшнего дня моментов (так, например, Толстой пишет: “Если в руки гитлеровским солдатам попадались ученые, люди искусства, они их с особенным вкусом расстреливали или швыряли в концлагерь на голодную смерть”³¹ (“Фашисты в Ясной поляне”) - а как же сталинские концлагеря, в которых точно такие же зверства совершались соотечественниками?) - яркое свидетельство того, что “Толстой тонко чувствовал пульс войны. Он знал, когда и какое слово нужно фронту, какая тема самая животрепещущая. Он откликался в “Красной звезде” на все самые важные события... Многие имена живых и мертвых героев Отечественной войны увековечены в произведениях Толстого... Он удивительно и проникновенно раскрывал душу людей на фронте”³².

СНОСКИ

1. Так, мы обнаружили очень выразительную и интересную характеристику Алексея Толстого, данную Анной Ахматовой (ее приводит в своей статье “Встречи с русскими писателями в 1945 и 1956 гг Исайя Берлин). Позволим привести себе эту довольно длинную цитату, так как, на наш взгляд, невозможно ее купировать - иначе она теряет свою

полноту и выразительность: “Я задал ей вопрос о Мандельштаме: она оставалась безмолвной, ее глаза наполнились слезами, потом она попросила меня не говорить о нем: “После того, как он дал пощечину Алексею Толстому, все было кончено...” Ей потребовалось некоторое время, чтобы собраться; затем совершенно другим голосом она сказала: “Меня Алексей Толстой любил; он носил сиреневые косоворотки, когда мы были в Ташкенте, и говорил о чудесных временах, когда мы могли бы быть вместе после возвращения отсюда. Он был очень одаренный и интересный писатель, негодяй, полный очарования, человек сумасшедшего темперамента; сейчас он мертв; он был способен на все, на все; он был отвратительный антисемит; он был бешеный авантюрист, неверный друг, он любил только молодость, власть, жизненную силу, он не окончил своего “Петра Первого”, потому что, по его словам, он мог заниматься только молодым Петром; куда ему было девать всех этих людей, когда они состарились? Он был разновидностью Долохова, он называл меня Аннушкой - меня от этого передергивало, - но он мне нравился, даже несмотря на то, что он был причиной смерти лучшего поэта нашего времени, которого я любила и который любил меня”. (Берлин И. Встречи с русскими писателями в 1945 и 1956 гг. // В кн. Найман А. Рассказы об Анне Ахматовой. М.: Художественная литература, 1989. С.275)

2. На наш взгляд, статьи Алексея Толстого военного времени - прекрасный пример истинной публицистики, они могут служить четкой иллюстрацией к определению публицистики, данному Литературным энциклопедическим словарем: “Публицистика -...род литературы и журналистики; рассматривает актуальные политические, экономические, литературные, философские и другие проблемы...Картины действительность, человеческие характеры и судьбы возникают в публицистическом произведении как аргументы, почерпнутые из самой жизни, как система доказательств, как предмет анализа или служат эмоциональной почвой, “раздражителем”, поводом для произнесения “приговоров”, для обличения или “запроса в инстанции”, для утверждения идеала...Публицистический стиль отличаются открытая тенденциозность, полемичность, эмоциональность; ему близки интонации, строй и функции ораторской речи” (Дедков И.А. Публицистика // Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 313)
3. В ряду таких свидетельств одними из самых пронзительных являются, на наш взгляд, дневники и воспоминания, собранные в “Блокадной книге” Д. Гранина и А.Адамовича. Кроме того, очень точные и яркие свидетельства мы обнаружили в кн. Н. Иноземцева “Цена победы в той самой войне. Фронтовой дневник”, например: “Едем по железной дороге впервые с начала войны. На полях горят скирды хлеба. Неужели это богатство нельзя было вывезти заранее? И как понадобится этот хлеб позднее, зимой!” (с. 75); “Чувствуешь себя

очень странно - после фронтовой обстановки двухнедельного пребывания в Татищево, причем в очень тяжелых условиях, - сидишь в ярко освещенном театре...В антрактах, всматриваясь в публику, видишь много молодежи, которой война совершенно не коснулась. Видишь самодовольные, вытощенные физиономии целого ряда дельцов, “окопавшихся” в тылу” (с. 78); “С наступлением настоящей зимы резко ухудшилось питание - фактически жили на 600 граммов хлеба и “баланде” ...Начались массовые обмороживания (температура до 40-45 градусов). В землянках огромное количество вшей. Все это было следствием неопытности, неумения устроиться по-хозяйски...” (с. 83) (Иноземцев Н. Цена победы в той самой войне. Фронтовой дневник. М.: Наука, 1995) Эти свидетельства ценны еще и тем, что они были сделаны непосредственным участником событий, рядовым солдатом 9т.е. увидены “снизу”, близко и без прикрас). Кроме того, они были сделаны по горячим следам.

4. Дымшиц А. // В кн. Воспоминания об А.Н.Толстом. М.: Советский писатель, 1982. С. 350-352.
5. Толстой А. Публицистика. М.: Советская Россия, 1975. С. 137-141 (в дальнейшем все цитаты из статей Толстого по этому изданию: Публицистика)
6. Берестов В.. // В кн. Воспоминания об А.Н.Толстом. М.: Советский писатель, 1982. С. 452.
7. Цит. по кн. Публицистика, с. 22.
8. Дымшиц А. // В кн. Воспоминания об А.Н.Толстом. М.: Советский писатель, 1982. С. 353.
9. Ортенберг Д. // В кн. Воспоминания об А.Н.Толстом. М.: Советский писатель, 1982. С. 412-413.
10. Ортенберг Д. // В кн. Воспоминания об А.Н.Толстом. М.: Советский писатель, 1982. С. 423-424.
11. Публицистика, с. 165.
12. Ортенберг Д. // В кн. Воспоминания об А.Н.Толстом. М.: Советский писатель, 1982. С.416.
13. Публицистика, С. 166.
- 14 Публицистика, С. 23.
15. Публицистика, С. 186.
16. Публицистика, С. 199.
17. Публицистика, С. 217.
18. Публицистика, С. 176.
19. Публицистика, С. 202.
20. Публицистика, С. 138.
21. Публицистика, С. 223.
22. Публицистика, С. 221.
23. Публицистика, С.177.
24. Публицистика, С. 232.
25. Публицистика, С.194.
26. Публицистика, С. 188.

27. Публицистика, С. 187.
28. Ортенберг Д. // В кн. Воспоминания об А.Н.Толстом. М.: Советский писатель, 1982. С.415.
29. Публицистика, С. 165.
30. Публицистика, С. 182.
31. Публицистика, С. 194.
32. Ортенберг Д. // В кн. Воспоминания об А.Н.Толстом. М.: Советский писатель, 1982. С. 437.

ЛИТЕРАТУРА

- Берлин И. Встречи с русскими писателями в 1945 и 1956 гг. // В кн. Найман А. Рассказы об Анне Ахматовой. М.: Художественная литература, 1989. Воспоминания об А.Н.Толстом. М.: Советский писатель, 1982. 495 с.
- Иноземцев Н. 1995. Цена победы в той самой войне. Фронтовой дневник. М.: Наука. 318 с.
- Дедков И.А. 1987. Публицистика.- Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия. С. 313
- Толстой А.Н. 1975. Публицистика. М.: Советская Россия. 367 с.
- Толстой А.Н. 1986. Собр. соч. в 10 т. Т. 10. М.: Художественная литература. 511 с.
- Симонов К. 1979. Собр. соч. в 10 т. Т. 1. М.: Художественная литература. 647 с.

Получена / Received: 08.06.2013

Принята / Accepted: 20.08.2013